

СОБОЙ ЗАСЛОНИЛИ МОСКВУ

Виктор Климанов

СОБОЙ ЗАСЛОНИЛИ МОСКВУ

ПОДВИГ
17-Й
СТРЕЛКОВОЙ
ДИВИЗИИ
НАРОДНОГО
ОПОЛЧЕНИЯ

Виктор Климанов

СОБОЙ ЗАСЛОНИЛИ МОСКВУ

Документальная повесть

**Подвиг
17-й стрелковой дивизии
народного ополчения**

**Народное ополчение
на защите Москвы**

Москва
Префектура Центрального
административного округа
2005

Глава 1

**Подвиг, трагедия, забвение
5**

Глава 2

**Предыстория. Как мы вступили в войну
48**

Глава 3

**Дивизия, армия, фронт, Москва
перед началом «Тайфуна»
96**

Глава 4

**2 октября – наступление врага началось
166**

Глава 5

**3 октября – 17-я вступает в бой
192**

Глава 6

**4 октября – подвиг 17-й стрелковой
220**

Глава 7

**Окончание сражения, отступление
250**

Глава 8

**Вечная слава героям ополченцам
284**

**Документальный и литературный материал
310**

Здравствуй Уважаемый читатель!
Всегда приятно встречаться с читателем.

12 лет назад был закончен оригинал моей повести.
Прошедшие годы показали, что тема преодоления и
святого подвига во имя защиты нашего Отечества
остаётся актуальной и востребованной.

В последние годы мне часто приходилось слышать
вопрос - Где можно приобрести вашу книгу?
Надеюсь эта публикация в какой то степени решит
эту проблему.

В добрый путь
Дорогой друг - читатель,

Виктор Климанов

Глава 8

Вечная память героям ополченцам

Глава 8

ВЕЧНАЯ СЛАВА ГЕРОЯМ ОПОЛЧЕНЦАМ

Я склоняю голову перед светлой памятью тех, кто стоял насмерть, но не пропустил врага к сердцу нашей Родины, городу-герою Москве. Мы все в неоплатном долгу перед ними.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков

Вот и пришло время подводить итоги рассказу о героическом подвиге ополченцев 17-й стрелковой дивизии Москворецкого района.

Подвиг со всех сторон должен быть подвигом. Мы наблюдали боевые действия наших героев на поле сражения, а теперь оценим их с птичьего полета, на фоне исторической панорамы Московской битвы.

Неисповедимыми путями развивается в истории человечества на своем тысячелетнем пути наша огромная страна. И остается без ответа самый большой вопрос этого развития – почему Россия постоянно должна платить такую дорогую цену за исторический прогресс?

XX век в этом отношении, пожалуй, самый контрастный, трагичный и яркий, полный надежд и намерений, свершений и разочарований. Он вместил в себя три революции, три, не считая мелких, тяже-

лейшие для нас войны, ряд экономических скачков, удивлявших мир, и столь же удивительных небывалых падений.

Много дорог было пройдено, много идей испытано и отброшено. Сколько напрасных жертв – голова идет кругом от обилия красок, драм и событий.

И самой трагичной точкой для России в этом необузданном XX веке были пять дней со 2-го по 7 октября 1941 года, когда под напором мощнейшего «Тайфуна» судьба Москвы, судьба России, бывшей тогда Советским Союзом, висела на волоске.

Если бы педантичные гитлеровские генералы после трех дней ошеломляющего успеха «Тайфуна» изменили бы выполнению своего «классического плана» – окружение под Вязьмой самых сильных на то время в Красной Армии соединений Западного фронта, и 5 октября двумя колоннами сразу пошли бы на Москву – 10-я танковая дивизия 4-й танковой группы по Варшавскому шоссе (Юхнов – Медынь – Малоярославец – Подольск – Москва), а севернее 6-я танковая дивизия 3-й танковой группы, не заходя в Вязьму, по Смоленскому шоссе (Гжатск – Можайск – Голицыно – Москва), и сзади их поддерживали бы набравшие скорость танковые и пехотные дивизии 4-й и 9-й армий, – агрессоры в этом случае вошли бы в Москву и пусть даже не заняли ее – это не главное, самое страшное – они расстроили бы управление Красной Армией. А это могло бы стать началом конца великой советской державы.

И главный конструктор фашистского нашествия на восточном фронте начальник Генерального штаба сухопутных войск гитлеровской Германии Франц Гальдер, который 4 октября в своем дневнике записал «крылатое определение» – «Операция “Тайфун” развивается классически», через несколько дней констатировал бы – «Операция проходит гениально!».

Немцы – не французы 1812 года, такой удачи они не упустили бы. И если бы тогда, до 12 октября, когда оборону столицы возглавил Георгий Константинович Жуков, они совершили бы это, – разделила бы наша горемычная Россия судьбу декабристов на морозных просторах Сибири. Вот такой это был судьбоносный момент в нашей истории, со 2-го по 7 октября 1941 года, и именно в этот, исключительный по драматизму момент и был совершен акт героизма ополченцами Москворецкой дивизии, и какое-то свое, пусть небольшое влияние на предотвращение катастрофического для нашей Родины развития событий он имел.

А проведение гениальных операций танковых дивизий Гепнера и Гота не могло иметь место еще и потому, что верховодье германского фашизма и руководящий генералитет сухопутных войск вермахта совершали на просторах России акцию злодейства, а гений и злодейство, по известной аксиоме Александра Сергеевича Пушкина, – две вещи несовместные.

Откроем еще одну страницу дневника Франца Гальдера:

7 октября 1941 года. 108 день войны

Сегодня танковая группа Гепнера соединилась с танковой группой Гота в районе Вязьмы. Это крупный успех, достигнутый в ходе пятидневных боев. Главком (Главнокомандующий сухопутными войсками генерал-фельдмаршал В. фон Браухич) в сопровождении полковника Хойзингера (секретарь Гитлера по военным вопросам) посетил штаб группы армий «Центр», где состоялось совещание о плане дальнейших операций.

Эти сдержанные записи не отображают необыкновенного внутреннего ликования фашистских генералов, возмнивших себя великими непревзойденными стратегами, обеспечившими победу германскому оружию в восточном походе на Россию и заложившими фундамент мирового арийского господства.

Владимир Романович Вашкевич, командир 2-й дивизии народного ополчения вспоминал, что после обеда 7 октября на поле боя Западного фронта наступила необыкновенная тишина – пушки молчали, думать генералам не мешали.

Однако германские генералы заблуждались, они явно переоценили свои возможности – их планам захвата Москвы теперь уже никогда не суждено будет сбыться. Именно после кризиса 5–6 октября объективные преимущества Советского Союза в войне с фашистской Германией начинают с каждым днем неумолимо проявлять себя и склонять чашу весов в нашу сторону.

Именно 5 октября Верховный Главнокомандующий Иосиф Виссарионович Сталин стряхнул с себя наконец маньячную уверенность в своей способности единолично верховодить войсковыми операциями по обороне Москвы и решил передать эту функцию неудобному для него, но самому достойному тогда полководцу Георгию Константиновичу Жукову, а самому сосредоточиться на руководстве и организации всех усилий народа и государства в поддержке фронта. И надо

отдать должное, в этой части своей деятельности наш Верховный был на высоте. Уже через несколько дней государственный аппарат управления освободился от груза импульсивности и хаотичности и начал работать как часы.

И когда 14 октября главный танковый кулак фашистов приблизился к священному Бородинскому полю, у Командующего нашим Западным фронтом уже были перед Москвой четыре рубежа обороны, укрепленные и организованные, готовые дать достойный отпор любой атаке врага. И каждый час, и днем и ночью, эти рубежи получали поддержку тыла и в людях, и в оружии, и в боеприпасах, и в снаряжении; и с каждым часом, несмотря на временные тактические неудачи, они становились все крепче и боеспособнее.

И в конце ноября, когда во втором наступлении на Москву враг, собрав на северо-востоке в танковый кулак последние свои силы, продвинулся на расстояние 25–27 километров до Кремля, немецкие генералы напрасно тешили себя надеждой на успех. Даже если бы случилось невозможное – части 20-й армии не успели бы ко 2-му декабря прикрыть самые опасные участки прорыва Красную поляну – Лобню – Луговую и немецкие танки продвинулись еще на десяток километров, они лишь наткнулись бы на новую непреодолимую преграду, Московскую зону обороны, и рисковали быть расстрелянными, а в оцетинившуюся ежами, надолбами и баррикадами Москву они даже физически не смогли бы войти.

И снова отметим, что в формирование этого тяжелейшего для нас, но в конечном итоге благоприятного стратегического сюжета свой весомый вклад в первые дни сражения Московской битвы вложила и 17-я дивизия народного ополчения.

Во всех последующих наступательных операциях германских войск, рвущихся к Москве на можайском и волоколамском направлениях, главную, ударную роль играли 2, 5, 10 и 11-я танковые дивизии, как раз те, которые 3, 4 и 5 октября взламывали оборонительный рубеж нашей 17-й стрелковой дивизии на Варшавском шоссе близ Спас-Деменска. Разница только в том, что соотношение на поле боя – три танковые дивизии против одной стрелковой, больше никогда не встречалось.

И противостоящие атакам гитлеровцев наши дивизии, например 32-я – Полосухина и 78-я – Белобородова, были оснащены несравнимо лучше ополченских. К. Ф. Телегин вспоминает, с какой радостью на серд-

це работники тылового управления в Москве погружали и отправляли на фронт эти сибирские дивизии. С самого начала войны они занимались только с наскоку собранными и кое-как снаряженными соединениями, а тут все было на образцовом уровне – и состав, и вооружение, и экипировка, и артиллерии было в достаточном количестве – и тяжелой, и средней, и противоздушной, и в каждой роте – по отделению 45-миллиметровых противотанковых пушек, которых так не хватало ополченцам. Кроме того, оборонительные действия каждой дивизии постоянно поддерживались танковыми соединениями, а с конца ноября – авиацией и минометными дивизионами «РС» (катюшами).

Конечно, это грустное для ополченцев сравнение.

Но с другой стороны, – сколько воли, бесстрашия и предельного напряжения сил надо было проявить нашим героям, чтобы сдерживать тяжелейшие удары вражеской машины.

И в тактическом плане мужественное сопротивление Москворецкой дивизии на своем рубеже обороны имело существенное значение в развернувшейся битве.

Употребим условное наклонение – что было бы, если бы. Если бы 17-я дивизия присоединилась 3 октября к потоку отступающих частей, оставив свой оборонительный рубеж на Варшавском шоссе, 2-я и 5-я танковые дивизии, обеспечивающие образование Вяземского кольца окружения с юга, могли бы направить свои моторы сразу на Вязьму. Путь их, хотя и по проселочным дорогам, был бы раза в два короче маршрута через Юхнов 10-й танковой дивизии, и прибыть в город 2-я и 5-я могли бы на день раньше 10-й дивизии, то есть 6 октября. И выполняющий «неожиданный приказ» штаб армии Рокоссовского, наверняка, оказался бы в клещах окружения... И как бы тогда развернулись события дальше?..

Не будем гадать, но снова отметим, что случившаяся в начале октября 1941 года цепь событий в положительном для нас балансе случилась, в том числе и благодаря героизму 17-й стрелковой дивизии народного ополчения Москворецкого района.

На первых страницах повести мы собирались, раскрывая события начального периода битвы за Москву, воскресить подвиг Москворецкой дивизии в полном его значении и достоинстве.

В меру своих сил эту задачу мы выполнили, и пусть будущие исследователи идут дальше – это будет здорово, очень интересно и любопытно.

В заключение – пример элементарного вывода из нашего исследования на уровне учебника по истории в школе (Карта 22).

Три рубежа

героической обороны частей и соединений Красной Армии в первой половине октября 1941 года на Варшавском шоссе, на главной магистрали наступления 4-й армии фашистов в общей наступательной операции «Тайфун»

3–5 октября. 300–280 км от Москвы. Оборонительный рубеж под Спас-Деменском. 17-я стрелковая дивизия народного ополчения Москворецкого района столицы три дня оказывала упорное сопротивление атакам превосходящего по силам врага.

4 октября с 15 часов позиции трех полков дивизии атаковали три танковые (2, 5 и 11-я) и три пехотные (197, 252 и 258-я) немецкие дивизии.

После 5 октября ударные танковые дивизии 4-й танковой группы свернули на север для выполнения плана окружения частей и соединений Западного и Резервного фронтов в районе Вязьмы. Наступление на Москву по Варшавскому шоссе продолжали моторизованные и пехотные дивизии 4-й армии.

6–9 октября. 205–180 км от Москвы. Окрестности Юхнова.

Отряд парашютистов-десантников под командованием майора И. П. Старчака, поддержанный подошедшим передовым отрядом подольских курсантов под командованием старшего лейтенанта Л. А. Мамчича.

Умело маневрируя, бесстрашные герои четверо суток отражали атаки танковых и пехотных соединений гитлеровцев.

10–18 октября. 130–125 км от Москвы. Ильинский оборонительный рубеж перед Малоярославцем.

Сводный отряд курсантов Подольских пехотного и артиллерийского военных училищ. В героической обороне рубежа курсантов поддерживали 222-й зенитный артполк, 64-й тяжелогаубичный полк, дивизион 517-го артполка и дивизион минометов «катюш» 43-й армии. 8 дней подольские курсанты, проявляя беспримерную стойкость и верность воинскому долгу, сдерживали жесточайшие атаки врага.

Участки героической обороны частей Красной Армии сдержали наступление фашистской армады на главной магистрали – Варшавском шоссе. В результате ожесточенных боев немногие из героев остались в живых, но они сорвали планы быстрого продвижения к Москве и захвата Малоярославца. 18 октября этот город заняли части 4-й армии, наступавшие с южного направления.

Ну что же, пришло время перейти к теме «Никто не забыт, ничто не забыто». Кавычки здесь, к сожалению, выделяют, как сказано в справочниках по русскому языку, ироническое значение приведенного крылатого выражения. Дело в том, что боевые действия в первые две недели октября 1941 года в научно-историческом освещении достойны названия «Нераскрытая Московская битва», вот здесь-то, кавычки выделяют слова, на которые автор хочет обратить внимание читателя.

Когда в конце прошедшего двадцатого века мне довелось начать работать над темой Москворецкой дивизии, первым желанием было – составить список ополченцев Замоскворечья, добровольно ушедших 9 июля через Калужскую заставу на смертельную схватку с ненавистным врагом. Очень быстро выяснилось, что этого сделать невозможно.

В начале повести уже упоминалось о том, что в Центральном архиве Министерства обороны военные архивные документы 17-й стрелковой дивизии начинаются с 10 октября 1941 года. При выходе из окружения 7–9 октября машина с материалами штаба дивизии попала под бомбовую атаку и сгорела вместе с желанным для нас первым списком добровольцев.

Второй список замоскворецких ополченцев был в стенах Москворецкого райкома партии, организатора формирования 17-й дивизии. Он также бесследно утерян для будущего, так как был уничтожен руками самих же партийцев. 13 и 14 октября осеннее московское небо заполнили тучи черных бабочек – это кружили сгоревшие документы архивов московских райкомов, коммунистические чиновники готовились то ли к эвакуации, то ли к партизанскому подполью в осажденной столице и жгли все, не оставляя следов.

Говорят, что был и третий список, он, может быть, хранится в недрах Генштаба или Управления по кадрам Министерства обороны, но достучаться до этих организаций простому краеведу-исследователю, в каче-

стве которого представлялся автор повести, нет никакой возможности. Поэтому ограничимся общими цифрами состава и потерь дивизии.

На 2 октября 1941 года, начало боевых действий по обороне Москвы от фашистского нашествия «Тайфун», в 17-й стрелковой дивизии народного ополчения насчитывалось 11 тысяч 400 человек. В развернувшемся оборонительном сражении 3, 4 и 5 октября принял участие практически весь состав дивизии.

За три дня ожесточенных боев против многократно превосходящего по силам противника Москворецкая дивизия потеряла 2/3 своего личного состава – 8 тысяч человек. При выходе из окружения погибло более тысячи человек. Из ополченцев первого призыва боевые действия продолжили, и не только в составе 17-й дивизии, две с небольшим тысячи человек.

Согласитесь, что при таком грубом подсчете потерь выражение «никто не забыт» в самом деле звучит в ироническом значении. Но что поделаешь.

Надо остановиться еще на одном обстоятельстве.

В героических боях 3–5 октября небывалую стойкость и презрение к смерти проявил младший и средний командный состав дивизии, именно в его рядах были самые большие потери. В основном это были молодые выпускники военных училищ, такие же офицеры, как и курсанты пехотного и артиллерийского училищ из Подольска, совершившие свой подвиг чуть позже на Ильинских высотах. Они также погибли героями, как и подольские курсанты, разница только в том, что про подвиг одних вспомнили, их именами назвали улицы, возвели памятники, а другие – разбросаны в смоленской земле в полном забвении.

Попытки собрать информацию об ополченцах на местном уровне также не имели успеха. Музей Замоскворечья в начале 90-х годов был расформирован из-за неверной политической ориентации. В бывшем штабе формирования 17-й дивизии народного ополчения – Академии народного хозяйства, плехановском институте, в связи с переориентацией обучения материалы по народному ополчению куда-то сложили.

На заводе Ильича в начале «смутного времени» помещение заводского музея решили сдать в аренду, экспонаты музея перенесли в склад. В 2000 году начали восстанавливать музей, за десяток лет материалы по войне были утеряны, да их особо никто и не искал. В новой экспозиции военная тема представлена очень сокращенно, а спи-

ска 260-ти добровольцев, которых в начале июля 1941 года завод торжественно провожал на фронт, музей не имеет.

Так что и вторая часть крылатого выражения – «ничто не забыто», в свете изложенных фактов, также звучит в ироническом значении.

Наверно, для решения этого вопроса нужна политическая воля Московского правительства – надо объявить задачу, выделить средства, составить план реализации и начать работать. Только тогда можно собрать то, что осталось, и попытаться его сохранить.

Мы уже говорили о том, что представление о Московской битве в целом, из-за усеченной информации о начальной стадии сражения, также не состоятельно.

Давайте посмотрим на суть ущербности этих представлений.

В октябре 2001 года в Россию с визитом примирения приезжал Командующий войсками НАТО господин Робертсон. В Москве он должен был подписать исторические документы о сотрудничестве между странами НАТО и Россией.

Свой визит господин Робертсон начал с посещения Мемориала Сталинградской битвы на берегах Волги, на месте, где, как писалось во всех отчетах прессы, «началось освобождение Европы от фашизма».

Какое недомыслие и искажение исторических фактов, и со стороны визитера, и со стороны, принимающей гостей. Напомним сначала руководству вооруженных сил просвещенного запада во главе с тогдашним представителем Великобритании о том, что уже 22 июня 1941 года, в первые же часы после нападения фашистских войск Германии на СССР, выдающийся политический деятель XX века, премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль выступил по английскому радио с осуждением гитлеровской агрессии и поддержкой освободительной миссии Советского Союза. Он, в частности, заявил: «Опасность для России – это опасность для нас и для Америки, и борьба каждого русского за свой дом и очаг – это борьба каждого свободного человека в любом уголке земного шара за уничтожение нацистского режима. Мы поможем России и русскому народу всем, чем только сможем».

Началом создания антигитлеровской коалиции послужило соглашение между СССР и Англией о совместных действиях в войне против Германии, подписанное 12 июля 1941 года. Перед самым началом Московской битвы, 29 сентября – 1 октября 1941 года на конференции представителей СССР, Англии и США в Москве были согласованы все

вопросы, связанные с военными поставками для помощи Красной Армии в борьбе с фашистским агрессором.

Официальное коммюнике гласило – конференция имела целью решить вопрос, «как наилучшим образом помочь Советскому Союзу в том великолепном отпоре, который он оказывает фашистскому нападению».

Но на окончательную победу СССР над Германией английские и американские государственные деятели все же не рассчитывали. Разгром немецко-фашистских войск под Москвой в декабрьском контрнаступлении Красной Армии показал всему миру, что есть сила, способная не только остановить, но и уничтожить претендентов на мировое господство. И первым западным государственным деятелем, который подтвердил, что это существует наяву, был опять же британский министр иностранных дел.

Вот воспоминания об этом эпизоде героя Московской битвы Дмитрия Даниловича Лелюшенко, бывшего в то время командующим 30-й армией Калининского фронта:

В дни, когда советские воины громили врага у Клина, в Москве находился министр иностранных дел Великобритании Антони Иден. Он захотел посмотреть на результаты боев. Советское правительство предоставило ему такую возможность. 15 декабря к зданию военной комендатуры Клина подошла колонна легковых автомашин. Из них вышли гости – в шубах и теплых пальто, закутанные в разноцветные шарфы, с фотоаппаратами и записными книжками. Побеседовав с ними, я поручил дальнейшее сопровождение А. Идена и его свиты коменданту г. Клина командиру 1170-го стрелкового полка полковнику А. А. Куценко, начальнику политотдела армии бригадному комиссару Н. И. Шилову и начальнику контрразведки 348-й дивизии П. И. Коновалову, а сам выехал на свой КП для руководства боем.

Осмотрев город, А. Иден и его спутники совершили поездку к линии фронта. Впрочем, это мало походило на поездку: шоссе на протяжении 10–15 км было завалено разбитой фашистской боевой техникой, и гостям пришлось не столько ехать, сколько идти пешком. Англичане увидели тысячи трупов, подбитые танки, исковерканные орудия, бронемашин, транспортеры с штабным имуществом и награбленным у мирных жителей добром.

Идти дальше было небезопасно, и гостям предложили вернуться в Клин. На обратном пути им то и дело попадались группы пленных фашистов. Иден пытался говорить с ними. Пленные отвечали в один голос: «Гитлер капут!».

В Клину англичане устроили пресс-конференцию, а потом направились обратно в Москву.

– Вэри гуд! Вэри уэл! Ол райт! – говорили Иден и его спутники, прощаясь с нами.

В конце декабря мы прочитали в «Правде» заявление А. Идена, сделанное по возвращении в Лондон. Делясь впечатлениями о поездке в Клин, он сказал: «Я был счастлив увидеть некоторые из подвигов русских армий, подвигов, поистине великолепных».

После этой акции дипломатическая активность союзников в начале 1942 года значительно возросла и закончилась она подписанием 26 мая в Лондоне договора между СССР и Великобританией, а 11 июня в Вашингтоне – советско-американского соглашения о союзе в войне против гитлеровской Германии. Таким образом три великие державы завершили создание антигитлеровской коалиции и, объединив свои усилия, фактически подписали смертный приговор фашистской Германии. Вопрос теперь стоял только о сроках падения Берлина – когда это произойдет? В 1943, в 44-м или в 45-м году? К сожалению для нас, это произошло в 1945 году (СССР нес основную тяжесть в борьбе с фашизмом), но это было неотвратимо, и вызвано это было итогами сражения под Москвой.

А вот пример того, как воспринимали известия о победах Красной Армии под Москвой простые борцы с фашизмом в странах союзников.

Свидетельства командира части 53-й гвардейской дивизии, бывшей 3-й Московской коммунистической стрелковой дивизии народного ополчения второго призыва полковника Г. Д. Елисоветского. В январе 1945 года он участвовал в освобождении узников гитлеровского лагеря смерти Освенцима и был назначен начальником его гарнизона.

В первый день обхожу территорию лагеря. Из одного из женских барачков на меня неожиданно бросилась женщина, обняла меня руками за шею, повисла на мне, начала что-то лепетать.

Она оказалась француженкой. В Освенциме – с января 1942 года, участница Сопротивления. Захлебываясь от слез, она рассказала, как уничтожили ее семью, каким мучительным унижениям подверглась сама, сколько замечательных участников Сопротивления было расстреляно...

«Было так тяжело, что опускались руки. Но вот произошло чудо. Мы узнали в феврале 1942 года о разгроме фашистов под Москвой. Не могу передать, что творилось в лагерях. Это было всеобщее торжество. Мы ликовали и тихонько передавали друг другу эту радостную весть.

Мы не знали ни вашей страны, ни вашей армии. Но когда к нам просочилась весть о событиях под вашей столицей, мы поверили, что Красная Армия – та сила, которая нас выведет из этого ужаса.

Так что освобождение Европы от фашизма началось до Сталинградской битвы, во время героической обороны нашей столицы в 1941 году. Но историческая некорректность высокопоставленных особ государств, бывших союзников в войне с фашизмом, имеет простое объективное оправдание – в столице нет подлинного мемориала, посвященного защитникам Москвы.

В Волгограде мемориал Сталинградской битвы есть, в Петербурге, на Пискаревском кладбище, – можно отдать дань памяти защитникам города, героям и жертвам ленинградской блокады.

А в столице? Могила Неизвестного солдата – хороший памятник, священное место, но это так, обо всем. Обелиск «Москва – город-герой» на развилке Дорогомиловской и Кутузовского проспекта – вообще ни о чем, осенней и зимней Москвы сорок первого года там нет. Штык – монумент под Крюковым, на братской могиле воинов 16-й армии, Ежи – на 23 километре... Грандиозный мемориал в честь 28 бойцов-панфиловцев на поле боя вблизи Дубосеково...

Во всех этих монументах выразительность и правдивость обратно пропорциональны их размерам, и никакой славы героев, сложивших голову за Москву, это громадьё не изображает, те временные памятники-надгробия со звездочкой, которыми после войны была усыпана подмосковная земля и прилегающие перекаты смоленщины, говорили людям простым человеческим языком намного больше и торжественней...

Наверно, эти недостатки обусловлены общей приблизительностью наших знаний о Московской битве, особенно о боях первой половины октября, боях героических, трагичных с большой жертвенностью для нашей стороны. Наверно и то, что мотив жертвенности очень

мало представлен в содержании подмосковных монументов, отсюда их искривленная выразительность и неправдоподобность.

Полноценное и достоверное отображение в монументальном комплексе подлинной памяти о Московской битве невозможно без сооружения памятника воинам Красной Армии, героически сражавшимся в вяземском «котле» окружения под общим руководством генерал-лейтенанта Михаила Федоровича Лукина.

По утверждению Г. К. Жукова, они обеспечили «выигрыш драгоценного времени для организации обороны на Можайской линии. Пролитая кровь и жертвы, понесенные войсками окруженной группировки, оказались ненеприятными».

Без увековечения памяти жертвенности Вяземского поля, а надо заметить, что на нем в неразобранном виде лежат еще и жертвы контрнаступления под Москвой и оборонительных боев 1942–1943 года, без этой святой памяти мы, москвичи, да и все граждане России, живем как «беспмятные люди», а по выражению нашего замечательного соотечественника Михаила Пришвина:

*Глубина человеческой души измеряется памятью ее о прошлом...
А беспмятные люди все равно что бессовестные.*

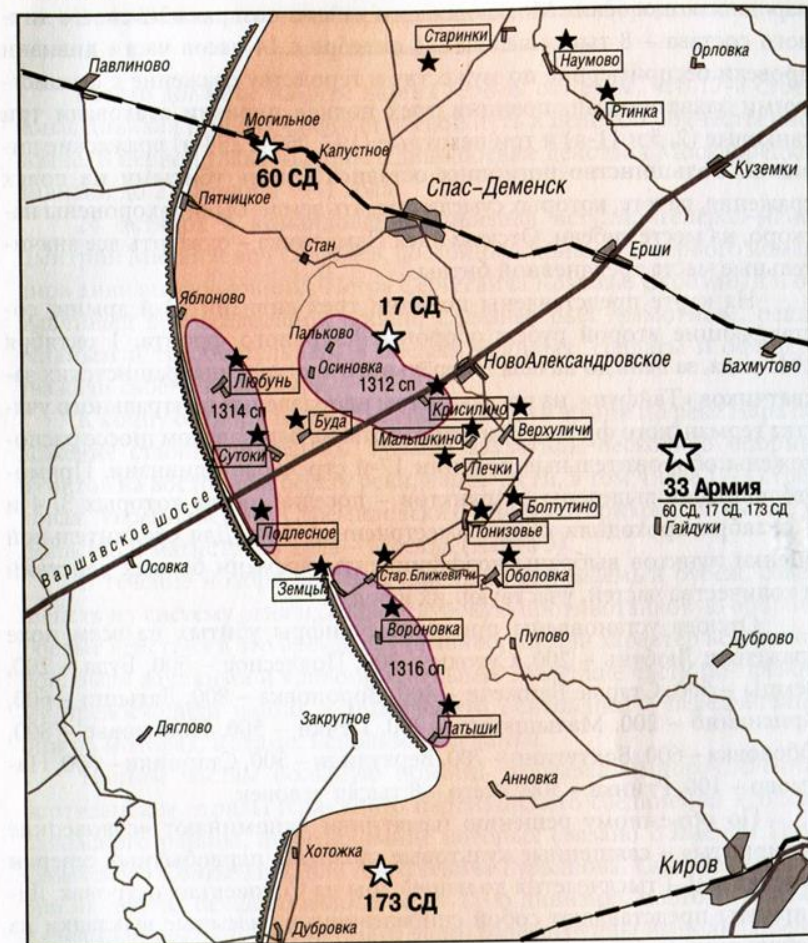
Не хватает нашей столице и мемориала памяти Московским дивизиям народного ополчения.

В столице вместе с Главным мемориалом «Могила неизвестного солдата», в котором увековечена память всех, кто отдал жизнь за свободу Родины в той войне, для достойного сохранения памяти о Московской битве необходимо иметь Мемориал, посвященный именно москвичам, отдавшим жизнь за свой любимый город в том суровом октябре 1941 года, – «Могила солдата Московского народного ополчения».

Подвиг 17-й стрелковой дивизии, ее героическое сопротивление врагу 3, 4 и 5 октября 1941 года также достойны быть увековеченными в памятнике. А бой дивизии с 15 до 22 часов 4 октября должен войти в историю Великой Отечественной войны как уникальное проявление «стойкости, мужества и презрения к смерти» ополченцев из Замоскворечья.

Ниже представлен ПРОЕКТ ПАМЯТНИКА героической обороны ополченцами 17-й стрелковой дивизии 3–5 октября 1941 года участка на Варшавском шоссе, близ Спас-Деменска, на главной магистрали на-

ступления 4-й армии фашистов в общей наступательной операции «Тайфун».

Наверно, современное российское общество не способно на осуществление таких проектов, но будем надеяться на лучшие времена в нашем Отечестве, когда благородные, благодарные потомки будут иметь возможность воздать должное кристально чистому подвигу своих соотечественников.

Напомним, что за три дня ожесточенных боев против многократно превосходящего по силам противника 17-я стрелковая дивизия народного ополчения Москворецкого района потеряла 2/3 своего личного состава – 8 тысяч человек. 4 октября с 14 часов части дивизии провели беспрецедентное по мужеству и героизму сражение с фашистскими захватчиками, позиции трех полков дивизии атаковали три танковые (2, 5 и 11-я) и три пехотные (197, 252 и 258-я) вражеские дивизии. Большинство погибших остались лежать убитыми на полях сражения, да и те, которых сумели предать земле, были захоронены наскорую, на месте гибели. Отсюда идея Памятника – охватить все значительные места трехдневной битвы.

На карте представлены позиции трех дивизий 33-й армии, составляющие второй рубеж обороны Резервного фронта, 1 октября 1941 года, за день до начала генерального наступления фашистских захватчиков «Тайфун», на рославльском направлении центрального участка германского фронта. В центре карты на Варшавском шоссе расположены оборонительные позиции 17-й стрелковой дивизии. Прямоугольниками выделены 18 пунктов – поселки, возле которых 3, 4 и 5 октября проходили самые ожесточенные бои. Для сравнительной оценки пунктов выбраны коэффициенты времени боевых действий и количества частей, участвующих в боях.

Отсюда установлены примерные цифры убитых на всем поле сражения: Любунь – 200, Сутоки – 300, Подлесное – 500, Буда – 200, Земцы – 500, Старые Ближечи – 400, Вороновка – 800, Латыши – 600, Крисилино – 200, Малышкино – 200, Печки – 500, Понизовье – 800, Оболовка – 600, Болтутино – 700, Верхуличи – 500, Старинки – 600, Намово – 100, Ртинка – 300. Всего – 8 тысяч человек.

По объемному решению памятники напоминают «соловецкие лабиринты» – священные культовые сложения первобытных северян середины II–I тысячелетия до нашей эры на Соловецких островах. Лабиринты представляют собой спиралевидные наземные выкладки из небольших необработанных камней.

Возле каждого из перечисленных поселков под Спас-Деменском выбирается удобное в ландшафте место, на котором соответствующим количеством камней укладывается сложение, напоминающее по рисунку план оборонительных окопов в прошедших здесь в начале октября 1941 года боях. Большой камень с выбитыми на нем пятиконеч-

ной звездой и разъяснением назначения священного места завершит композицию каждого из 18-ти памятников.

В целом комплекс должен напоминать «малое бородинское поле».

Воздав должное памяти наших героев, отметим, что 17-я стрелковая дивизия прошла славный боевой путь в Великой Отечественной войне. В первой главе мы проследили боевые действия Москворецкой дивизии до 22 октября 1941 года.

24 октября в командование дивизией вступил генерал-майор Дмитрий Михайлович Селезнев, достойный приемник первого командира дивизии полковника Петра Сергеевича Козлова. Скромный и отзывчивый в повседневной жизни, Селезнев был грамотным, решительным и требовательным в боевых условиях, солдаты и офицеры уважали своего командира.

К концу октября на участке обороны 43-й армии по реке Нара положение стабилизировалось. Немцы захватили несколько опорных пунктов на восточном берегу реки, наши части, в том числе 17-я стрелковая, укрепились на Стремилловских высотах, прикрывая выход на Лопасню и магистраль Тула – Москва (Карта 3).

В течение ноября дивизия укрепляет занимаемый рубеж, совершенствует систему огня и создает глубокую противотанковую оборону. Боевые действия в это время, как правило, носили характер встречного боя, были жесткими и кровопролитными. Немецкие части по-прежнему превосходили наших в техническом оснащении – передвигались они на моторах, в атаках использовали танки.

Нашим частям большую помощь оказывали многочисленные партизанские отряды известного партизанского соединения Угодско-Заводского района, формирование которых связано с именем Героя Советского Союза Михаила Алексеевича Гурьянова. Снабжение отрядов из центра осуществлялось через 17-ю дивизию, поэтому контакт с соединением был постоянным, наши разведгруппы выполняли свои боевые задания обычно вместе с партизанами.

Знаменитая карательная операция частей особого назначения и партизанских отрядов района по атаке и разгрому тылового штаба 12-го корпуса 4-й полевой армии фашистов в районном центре Угодский завод, в ночь с 24 на 25 ноября, того самого 12-го корпуса, который в первых числах октября наступал в районе обороны 53-й дивизи-

зии, 113, 173 и 17-й дивизий народного ополчения, так вот эта карательная операция происходила при непосредственной поддержке 17-й стрелковой дивизии – штурмовой отряд особого назначения под командованием капитана В. В. Жабо готовился к операции в деревне Муковнино, в расположении 1314-го полка.

В ноябре-декабре налаживается регулярное пополнение и материально-техническое снабжение дивизии. К середине декабря дивизия вооружена, экипирована и полностью готова к наступлению. 25 декабря 43-я армия переходит в общее наступление на своем участке фронта. 17-я дивизия, совместно с 53-й, проводит известную наступательную операцию Московской битвы по освобождению Угодского завода (27 декабря) и города Малоярославец (2 января 1942 года). 14 января 17-я дивизия освобождает город Медынь.

Теперь это уже настоящая, кадровая, ведущая боевая единица 43-й армии, правда, назвать ее дивизией народного ополчения было бы неверно, но небольшой костяк гвардейцев из Москворецкого района она оставался в дивизии на всем ее боевом пути.

В составе Западного, Брянского, 1, 2 и 3-го Белорусских фронтов 17-я стрелковая дивизия за годы войны с боями прошла более 1000 километров. Десятки городов, тысячи сел и деревень были освобождены от фашистских захватчиков. Заканчивала войну дивизия изгнанием Германских войск с территории Польши и Восточной Пруссии.

За участие в освобождении города Бобруйска дивизии присвоено почетное звание БОБРУЙСКОЙ. За освобождение города Слоним она была награждена орденом КРАСНОГО ЗНАМЕНИ.

Боевую характеристику 17-й стрелковой дивизии мы возьмем из воспоминаний Дважды героя Советского Союза генерала армии Павла Ивановича Батова:

С 17-й стрелковой дивизией мне довелось встретиться летом 1944 года. Мы наступали, освобождая Белоруссию, а в наступлении обстановка на фронте очень быстро меняется, соединениям приходится поворачивать Фронт то в одну, то в другую сторону, а иногда даже драться с перевернутым Фронтом, если противник окажется у тебя в тылу. Он стремится всемерно нарушить планы наступающих войск, ударить побольнее в самых неожиданных местах, внести сумятицу в наши боевые порядки. Так произошло и в районе города Бельска, когда, увлекшись наступлением, мы проглядели одну довольно значительную

группировку немцев и она танковым тараном пропорола наш фронт, пытаясь выйти в тылы 65 армии, которой я тогда командовал.

Сложилась очень опасная обстановка, и я вынужден был обратиться за помощью к командующему фронтом, так как все мои соединения были уже задействованы. В оперативное подчинение мне передали 17-ю стрелковую дивизию. Я мало знал ее и спросил у офицеров штаба, что она собой представляет, сумеет ли устоять перед лавиной танков. Мне сказали, что эта дивизия получила боевое крещение на дальних и ближних подступах к Москве, прошла суровую школу войны, начала которую как ополченческая. А надо заметить, что «ополченческая» на фронте звучало примерно так же, как «гвардейская».

Я все же, не удержавшись, послал на участок прорыва оператора штаба армии, приказав ему докладывать мне обстановку через каждый час.

Первое донесение, как и все последующие, было коротким и уверенным: «Танки не пройдут».

О героях того сражения мне хочется сказать только то, что я увидел, прибыв в дивизию через двое суток, выкроив время на эту поездку. Поле боя потрясло меня, хотя части вверенной мне 65-й армии в Курской битве стояли на самом острей танкового удара противника, и я уже считал, что ничего подобного не может случиться в этой войне. Вся степь была черной, перепаханной взрывами снарядов и мин, удушливая гарь стлалась над землей, подбитые и сожженные танки в некоторых местах сбились так густо, будто сулоны снопов на сжатой полосе.

Машина моя остановилась у лежавшей на боку пушки без колеса. Расчет ее весь погиб и мертвых еще не убрали. Один из артиллеристов уронил стриженную голову на лафет, очевидно приняв смерть последним. В десяти метрах от него высилась громада ТИГРА со сбитой гусеницей.

Воины 17-й стрелковой дивизии честно выполнили свой долг, и 65-я армия обязана своим успехом в наступлении им в немалой степени.

Многих из людей, служивших в 17-й ополченческой стрелковой дивизии, я знал лично. Находясь некоторое время под моим командованием, они участвовали в Белорусской операции и всегда проявляли образцы мужества, отваги и высокого ратного мастерства.

Ну, а что же Москва – дорогая моя столица, сердце нашей Родины, Москва, на судьбу которой в те грозные дни были поставлены такие высокие ставки и нападающей, и защищающейся стороной?

Все участники небывалого по жестокости, кровопролитного сражения в первых числах октября 1941 года, каждый со своей надеждой, смотрели тогда на этот город – выстоит он или нет.

И Москва выстояла. Сразу после 7 октября, как только всем стало известно о надвигающейся смертельной опасности, Москва из прифронтового города стала фронтовым и за какие-то две-три недели превратилась в неприступную крепость. Паника 16 октября среди «толпы, стоящей у трона» в связи с частичной эвакуацией правительства, пошла в какой-то степени даже на пользу городу – в нем остались только мужественные патриоты, способные отдать все силы на защиту своей родной столицы.

В романе Константина Симонова «Живые и мертвые» много глав посвящено Московской битве. Герой романа политрук Синцов попадает в Москву как раз в тот трагический день, 16 октября 1941 года. Вот два абзаца описания обстановки в городе:

Конечно, не только перед Москвой, где в этот день дрались и умирали войска, но и в самой Москве было достаточно людей, делавших все, что было в их силах, чтобы не сдать ее. И именно поэтому она и не была сдана. Но положение на фронте под Москвой и впрямь, казалось, складывалось самым роковым образом за всю войну, и многие в Москве в этот день были в отчаянии готовы поверить, что завтра в нее войдут немцы.

Как всегда в такие трагические минуты, твердая вера и незаметная работа первых еще не была для всех очевидна, еще только обещала принести свои плоды, а растерянность и горе, и ужас, и отчаяние вторых били в глаза. Десятки и сотни тысяч людей, спасаясь от немцев, поднялись и бросились в этот день вон из Москвы, залили ее улицы и площади сплошным потоком, несшимся к вокзалам и уходившим на восток шюссе.

А вот воспоминания поэта Алексея Суркова, бывшего тогда корреспондентом газеты «Красная звезда» и постоянно курсирующего между передовой линией фронта и редакцией в Москве. Это ему, Алексею Суркову, принадлежат проникновенные слова одной из первых истинно народных песен о войне – «До тебя мне дойти нелегко, а до смерти четыре шага», написанные в ноябре 1941 года, под жесточайшим фашистским обстрелом, на истринском рубеже обороны, во фронтовой землянке 78-й стрелковой дивизии генерала Белобородова.

Шел октябрь в дождях, в слякоти, в ранних заморозках. Огненная линия фронта пролегла полукругом от Сталиногорска через Тулу, Можайск,

Волоколамск к Волжскому водохранилищу. Еще не растративший инерцию наступательного броска враг рвался к столице. Пространство раскалывалось от рева орудий, рычания танковых моторов, воя пикирующих бомбардировщиков, леденящего кровь свиста падающих бомб. В эти дни под почти непрерывный вой сирен, возвещающих очередные воздушные налеты, Москва превращалась в огромный вооруженный лагерь.

По всем дорогам на запад, на юг, на север, на восток или многотысячные отряды москвичей и москвичек с лопатами, кирками, мотыгами – строить кольцо оборонительных сооружений. Увязая в раскисшей от осенних дождей глине, они рыли окопы, глубокие противотанковые рвы, вкапывали в землю бетонные колпаки дотов, ставили непроходимые линии надолб и «ежей» и опутывали колючей проволокой широкие просторы подмосковных полей, куда они приезжали в мирное время погулять в выходной день, где они жили в пионерских лагерях и домах отдыха. Их мочил пронизывающий осенний дождь. На них налетали «мессершмитты», сбрасывая бомбы, поливая свинцом пулеметных очередей, а они рыли неподатливую глину упрямо, испуганно, и сердце в груди каждого билось часто, горячо, как бы торопя: скорее, скорее, скорее!

Когда они заканчивали свой труд, в окопы приходили солдаты, и девушки в стоптанных, облепленных грязью городских туфлях говорили им:

– Смотрите, ребята, не уходите отсюда!

И солдаты, прилаживая пулеметы к бойницам, кричали им вслед:

– Уж будьте спокойны! Маленькие мы, что ли, не понимаем, что там – Москва.

Прекрасна в своем строгом и грозном величии была Москва в те забываемые дни!

По всем своим заставам опоясалась она стальными оградами надолб и «ежей», многослойными линиями сооруженных из мешков с песком баррикад, из бойниц которых грозно смотрели черные глазки пулеметов и жерла противотанковых пушек. Добровольцы из истребительных батальонов маршировали по улицам, и при каждом очередном воздушном налете десятки тысяч москвичей, мужчин и женщин, стариков и подростков, взбирались на крыши домов, чтобы под вой бомб и свист снарядных осколков тушить падающие дождем зажигательные бомбы.

В это время даже специалисты по починке примусов и керосинок переквалифицировались на производство ручных гранат и минометов, а в пустых цехах эвакуированных на восток промышленных гигантов

чинили подбитые в бою танки, изготавливали автоматы для защитников города, снаряды. Рабочие-папиросники снаряжали ружейные патроны, рабочие-метростроевцы замешивали бетон для строительства домов укрепленных районов Подмосквья. В это время тысячи домашних хозяек, возвратившись с работ по строительству оборонительных сооружений, за черными шторами затемнения проворными иглами шили в бессонные ночи теплые ватники и шапки для защитников столицы. Да, в те дни каждая улица, каждый переулок, каждый дом и каждая квартира Москвы были участками боевого фронта.

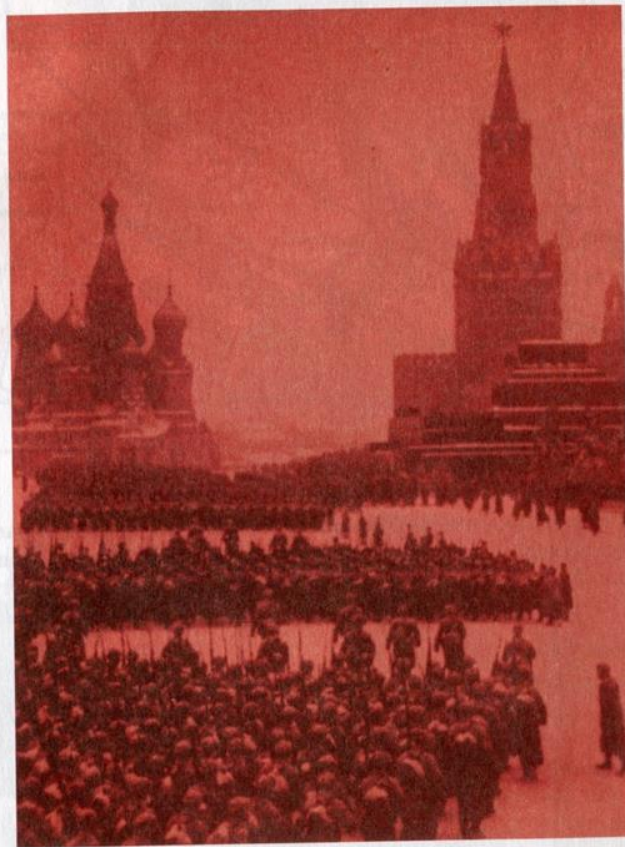
И в суровом фронтовом быте города сложились фронтовые порядки и фронтовые привычки. Чем чаще становились воздушные налеты врага, тем спокойнее становились москвичи. Уже осенью в бомбоубежища уходили только женщины с маленькими детьми и древние старики.

И днем и ночью, почти не умолкая, стреляли зенитные орудия и пулеметы, прикрывая огнем щитом небо над столицей. То там, то здесь падали бомбы, сбрасываемые одиночными самолетами, прорвавшимися сквозь огневое кольцо обороны. Время от времени рушились дома от прямых попаданий и возникали пожары. Но раны, нанесенные городу, быстро залечивали. Так, стоящий у Никитских ворот памятник К. А. Тимирязеву, поврежденный взрывной волной, за одни сутки был восстановлен и как ни в чем не бывало стоял на старом месте. То же было с памятником Ломоносову в сквере МГУ.

В суровой обстановке города-фронта москвичи оставались москвичами. Фабрики и заводы работали круглые сутки в три смены, и в часы налетов рабочие не отходили от станков. Как обычно, шла торговля в магазинах, были открыты столовые, рестораны, кафе. По вечерам концертные залы и театры были полны зрителей.

В эти дни мы с особой силой почувствовали, как неповторимо прекрасен наш город Москва, как дорог нашему сердцу каждый дом, который мы возвели, каждое дерево, которое мы посадили, каждый станок в заводском цехе, которому мы дали жизнь. В эти дни всенародная любовь к Москве предопределила всенародный характер обороны ее от вражеского нашествия.

Подвиг 17-й стрелковой дивизии народного ополчения Московского района сияет неповторимым светом в этом созвездии героических свершений москвичей в тот грозный октябрь 1941 года.

Карта 22

Три рубежа героической обороны частей и соединений Красной Армии в первой половине октября 1941 года на Варшавском шоссе, на главной магистрали наступления 4-й армии фашистов в наступательной операции «Тайфун»

10-18 октября. 130-125 км от Москвы.

Ильинский оборонительный рубеж перед Малоярославцем.

Сводный отряд курсантов Подольских пехотного и артиллерийского военных училищ. В героической обороне рубежа курсантов поддерживали части 43-й армии. 8 дней подольские курсанты, проявляя беспримерную стойкость и верность воинскому долгу, сдерживали жесточайшие атаки врага.

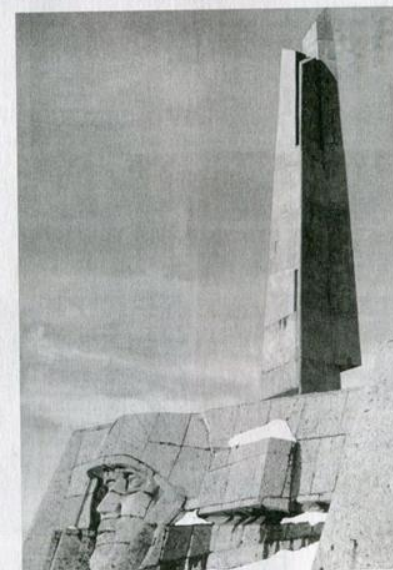
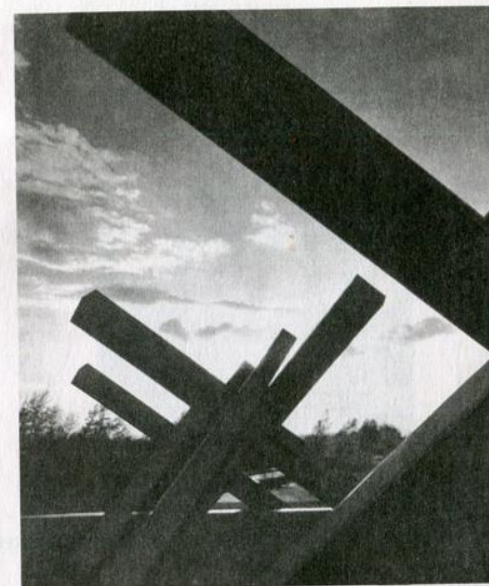
6-9 октября. 205-180 км от Москвы. Окрестности Юхнова.

Отряд парашютистов-десантников под командованием майора И. П. Старчака, поддержанный подошедшим передовым отрядом подольских курсантов под командованием старшего лейтенанта Л. А. Мамчича. Умело маневрируя, бесстрашные герои четверо суток отражали атаки танковых и пехотных соединений гитлеровцев.

3-5 октября. 300-280 км от Москвы.

Оборонительный рубеж под Спас-Деменском.

17-я стрелковая дивизия народного ополчения Москворецкого района столицы три дня оказывала упорное сопротивление атакам превосходящего по силам врага. 4 октября с 15 часов позиции трех полков дивизии атаковали три танковые (2, 5 и 11-я) и три пехотные (197, 252 и 258-я) немецкие дивизии.

Памятники героическим защитникам Москвы

Памятник «Ополченцы» на улице Народного ополчения

Памятник-стела воинам 8-й дивизии народного ополчения
в Стрельбищенском переулке

ПОДВИГ ТВОЙ БЕССМЕРТЕН

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ МАТЕРИАЛ

Список авторов и источников фактического материала

- Сталин И. В.**
ПЕРЕПИСКА Председателя Совета министров СССР с Президентом США и Премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М.: Политиздат, 1989.
- Жуков Г. К.**
ВОСПОМИНАНИЯ и РАЗМЫШЛЕНИЯ. – М.: Агентства печати Новости, 1971.
- Василевский А. М.**
ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ. – М.: Политиздат, 1989.
- Рокоссовский К. К.**
СОЛДАТСКИЙ ДОЛГ. – М.: Воениздат, 1980.
- Конев И. С.**
ЗАПИСКИ КОМАНДУЮЩЕГО ФРОНТОМ. – М.: ГОЛОС, 2000.
- Устинов Д. Ф.**
ПОДВИГ ВО ИМЯ ПОБЕДЫ. – М.: Политиздат, 1980.
- Лелюшенко Д. Д.**
МОСКВА – СТАЛИНГРАД – БЕРЛИН – ПРАГА. – М.: НАУКА, 1985.
- Телегин К. Ф.**
МОСКВУ ОТСТОЯЛИ. – М.: Политиздат, 1961.
- Симонов К. М.**
ГЛАЗАМИ ЧЕЛОВЕКА МОЕГО ПОКОЛЕНИЯ. Размышления о И. В. Сталине. – М.: Агентства печати Новости, 1989.
- Симонов К. М.**
СОЛДАТСКИЕ МЕМУАРЫ. – М.: Искусство, 1985.
- Черчилль У.**
ПЕРЕПИСКА Председателя Совета министров СССР с Президентом США и Премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М.: Политиздат, 1989.
- Сбытов Н. А.**
МОСКВА ВОЕННАЯ. Мемуары и архивные документы. – М.: МОСГОРАРХИВ, 1995.
- Гудериан Г.**
ВОСПОМИНАНИЯ СОЛДАТА. – Смоленск: РУСИЧ, 1999.
- Гот Г.**
Генерал-полковник. Командующий 3-й танковой группой.
ТАНКОВЫЕ ОПЕРАЦИИ. – Смоленск: РУСИЧ, 1999.
- Гальдер Ф.**
Генерал-полковник. Начальник Генерального штаба сухопутных войск вермахта.
ОТ БРЕСТА ДО СТАЛИНГРАДА: военный дневник. – Смоленск: РУСИЧ, 2001.

Свидетельства об участии в октябрьских боях за Москву
дивизий народного ополчения

- ОПОЛЧЕНИЕ НА ЗАЩИТЕ МОСКВЫ. Документы и материалы. – М.: Московский рабочий, 1978.
- Козлов П. С.**
Полковник, командир 17-й дивизии народного ополчения Москворецкого района.
- Богданов А. В.**
Полковник, командир 173-й дивизии народного ополчения Киевского района.
- Гусев А. Н.**
Замполит 1301-го полка 8-й дивизии народного ополчения Краснопресненского района.
- ОТ МОСКВЫ ДО БЕРЛИНА. – М.: Политиздат, 1961.
- Вашкевич В. Р.**
Генерал-майор, командир 2-й дивизии народного ополчения Сталинского района.
- Митрофанов Н. П.**
Майор, заместитель начальника штаба 113-й дивизии народного ополчения Фрунзенского района.
- Кузовлев А. И.**
Комиссар полка 113-й дивизии народного ополчения Фрунзенского района.
- Берестов Н. П.**
Полковник, командир полка 60-й дивизии народного ополчения Ленинского района.
- Зылев Б.**
Командир взвода 160-й дивизии народного ополчения Дзержинского района.
- Панова В.**
Военфельдшер 160-й дивизии народного ополчения Дзержинского района.
МОСКВА ВОЕННАЯ. Мемуары и архивные документы. – М.: МОСГОРАРХИВ, 1995.
- Медведев Д. Ф.**
Комиссар батальона 13-й дивизии народного ополчения Ростокинского района.
- Приказы и постановления Верховного главнокомандования,
оперативные сводки и распоряжения Генерального штаба Красной Армии,
документы, хроника, общие сведения о Московской битве**
- БИТВА ПОД МОСКВОЙ. Серия АРХИВ. Хроника, факты, люди. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
- БИТВА ПОД МОСКВОЙ. Сборник документов. Русский Архив: Великая Отечественная. Т. 15 (4-1). – М.: ТЕРРА, 1997.
- СТАВКА ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Русский Архив: Великая Отечественная. Т. 16 (5-1). – М.: ТЕРРА, 1996.
- ОПОЛЧЕНИЕ НА ЗАЩИТЕ МОСКВЫ. Документы и материалы. – М.: Московский рабочий, 1978.
- МОСКВА. Энциклопедия. Московская битва. Народное ополчение. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1997.
- ОРУЖИЕ ПОБЕДЫ. 1941–1945. – М.: МАШИНОСТРОЕНИЕ, 1985.
АРХИВ Министерства Обороны Российской Федерации.

Виктор Васильевич Климанов

СОБОЙ ЗАСЛОНИЛИ МОСКВУ

Документальная повесть

Идея оформления, подготовка
и обработка иллюстраций автора.

Технический редактор *Е. Шафранская*

Компьютерная верстка *Г. Нефедова*

Формат 70x100/16. Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 19,5. Тираж 5100 экз.

Отпечатано ООО «АБЕЛИЯ Издательский дом».
Московская обл., Люберецкий р-н, пос. Томилино,
ул. Гаршина, д. 11. Тел. 514-93-25. E-mail: abelia@cnt.ru

Уважаемый читатель!

Поздравляю и благодарю Вас со знакомством
с моей Документальной повестью.

Приношу благодарность организатору нашего
свидания Ивану Петровичу Савченко.

Прошедшие 12 лет безусловно принесли желания
небольших дополнений, корректировок основного
содержания повести. Появились новые публикации,
в частности, материалы немецких изданий, которых
во время работы над повестью мне не хватало.
В 2009 году вышла публикация Дневников Фон Бока.
Его записи начала октября 41-го прямое и необходи-
мое расширение содержания моей повести.
После выхода в свет моей книги, Совет Ветеранов
17-й дивизии стали относиться ко мне по-другому,
перед уходом из жизни, каждый передавал мне ка-
кую-то часть своих материалов и моя обязанность
что-то главное из них донести до российского читате-
ля. Особое место занимает, до сих пор не раскрытая
до конца, биография Петра Сергеевича Козлова.

Так что я просил бы организатора продолжить эту пуб-
ликацию ещё на четыре небольшие главы.